

стол с телефоном, громкоговоритель, за ширмой — две раскладные кровати, диван и десяток стульев. Ответственный дежурный вел запись состояния помещений, где хранилась под ключом и сургучной печатью коллекция, отмечал в журнале время объявления тревог и отбоев, близкие попадания бомб и снарядов, представлял сотрудников по местам очередных работ.

Подготовка семян к длительному хранению оказалась весьма трудоемкой. Дело в том, что большая часть коллекции хранилась в коробках из белой жести, имевших по два круглых отверстия — в крышке и в стенке. Отверстия с внутренней стороны прикрывали тонкие сеточки. Переселившиеся из соседних домов крысы стали прогрызать сетки и мешочки, поедать семена.

Чтобы предотвратить это бедствие, грозившее уничтожением коллекции, мы решили связывать коробки в пачки, боковыми отверстиями друг к другу, а самые пачки плотно закрывать сверху фанерой или листом жести. Шпагата на складе нашли вдоволь, и бригада в 10—12 человек ежедневно снимала со стеллажей до 3000—4000 коробок. Составленные из них пачки связывали и вплотную вставляли между стеллажами.

В первую очередь была обработана коллекция пшеницы (более 20 тысяч коробок), затем рожь, овес, ячмень, далее кукуруза, просо, сорго, гречиха, горох и другие бобовые. В последнюю очередь связывали коробки овощных, технических и кормовых культур. Семена из неразобранных ящиков переложили в пустующие металлические коробки, которых набралось до 2,5 тысячи штук. Вся эта работа проходила в промерзших, полутемных комнатах. Раз в неделю печати срывали, комиссия из трех человек осматривала хранилища, затем двери закрывали на замки и вновь опечатывали.

В одну из апрельских ночей 1942 года кто-то, выломав доски в окнах первого этажа, похитил несколько сот мешочков с семенами основной интродукционной коллекции. В своем большинстве это были семена, утратившие всхожесть, сохранялись они как эталон. Окно сразу же тщательно забили изнутри и снаружи. Имел место и второй случай хищения, но на этот раз воры унесли немного. В 1943—1944 годах подобные явления не повторялись.

Важно отметить, что все 900 дней осады города в институте соблюдался порядок, не было паники, и по-

этому коллекция почти полностью была сохранена. Правда, в дни интенсивных бомбежек и обстрелов города один из сотрудников предложил было («чтобы ничего не досталось немцам») обезличить коллекцию, сжечь научные рукописи и архивные материалы. Но этому малодушному был дан энергичный отпор со стороны всего коллектива.

К 1943 году относится начало посева скороспелых сортов коллекции. Работы велись в совхозе «Предпортовый», под орудийным огнем немцев. На площади 250 квадратных метров было высеяно около 200 сортов. Посевы проводили младший научный сотрудник П. Н. Петрова и автор этих строк.

В своем докладе на юбилейной сессии ВАСХНИЛ, посвященной 50-летию советской науки, министр сельского хозяйства СССР В. В. Мацкевич дал высокую оценку работе института с коллекцией. Он подчеркнул, что она содержит ценнейший исходный материал для селекционеров всей нашей страны, что сорта, выведенные на базе ее образцов, являются урожайными и высококачественными. Только в 1967 году в колхозах и совхозах было занято под ними 40 миллионов гектаров, что дало значительный прирост производства, в первую очередь зерновых культур и кукурузы.

В. С. ЛЕХНОВИЧ

ИСПОЛНЕНИЕ ДОЛГА

Хороший сорт сельскохозяйственного растения — это основа для получения урожая, а биологические свойства сорта, приспособленные для условий данного района, — подспорье в успешном возделывании культур.

Мировая коллекция сортов любого сельскохозяйственного растения — это «банк», безотказно снабжающий посадочным и исходным материалом и практика-земледельца из любой части страны, и теоретика-селекционера, создающего новые сорта с улучшенными свойствами.

Весной 1941 года мировая коллекция сортов и видов картофеля Всесоюзного института растениеводства была высажена, как обычно, под Ленинградом, на территории Павловской опытной станции института.

В начале августа, когда фашистские войска подошли близко к городу, старший научный сотрудник О. А. Воскресенская провела досрочную уборку клубней. За короткий срок, который был в ее распоряжении, удалось убрать по 1—2 куста от каждого образца. В это же время другой старший научный сотрудник, А. Я. Камераз, выкопал по одному кусту около 500 перспективных гибридов и до сотни южноамериканских образцов, успевших дать клубни. Уборка велась до тех пор, пока на поле не стали падать снаряды. Весь семенной материал был тщательно упакован. С большим трудом выхлопотали две грузовые автомашины и на них вывезли семенные клубни, лабораторный инвентарь в Ленинград. Сопровождал машины А. Я. Камераз.

Для хранения коллекции в подвале здания ВИЗРА были оборудованы стеллажи. Поскольку начались частые обстрелы и бомбежки, образцы в целях предосторожности разделили на две дублирующие части. Кроме того, по одному клубню от всех убранных сортов и гибридов поместили в ВИРе в ящики, которые в марте 1942 года Я. Я. Вирс увез на Большую землю. В Красноуфимске эти образцы послужили картофелеводам основой для работы.

В течение всей осени хранением коллекции ведала О. А. Воскресенская, ночевавшая здесь же, в подвале. Ей помогали лаборантки К. Т. Чернянская и А. П. Коваленко. Но в начале декабря О. А. Воскресенская простудилась и слегла, выбыли из строя и обе лаборантки. Хранение коллекции легло на мои плечи.

Задача оказалась очень трудной. Приходилось охранять клубни от крыс, мороза и от голодающих людей. Для большей надежности я стал plombировать подвал, закрывать его на три различных замка. Дверь обил железом. Однако мелких хищений избежать не удалось.

Однажды утром я обнаружил в подвале необычный холод, хотя дверь, замки и пломбы были целы. Термометр на полу показывал 1 градус мороза, а на высоте 1 метра — 0 градусов. С «ночником» в руке я отправился на поиски источника свежего воздуха. Им оказалась узкая щель под потолком. «Налетчик», видимо, разобрал из соседнего подвала верх кирпичной стены и крючком подцепил с верхней полки какое-то количество мешочков с картофелем (гибридами). Старыми мешками я быстро заделал отверстие. Пролом был сделан,

должно быть, под утро, много холода проникнуть не успело, и я быстро растопил печурку, чтобы спасти коллекцию от промерзания.

Затем обследовал соседний подвал, надежно закрыл вход в него. Обычный замок здесь был совершенно бесполезен. Его бы взломали ломом. Удалось найти рядом на свалке полутораметровый кусок дюймовой водопроводной трубы, изнутри подпереть о поперечную планку трубой массивную дверь подвала, а самому медленно вылезти в щель двери. Труба заскочила за поперечную планку, оперлась на камни пола и плотно заперла дверь.

Ежедневно я проверял целостность запора. На свежем снегу нередко виднелись следы ночного посетителя, но двери открыть он не мог. Больше посягательств на эту коллекцию не было.

В другой раз довольно опытный, видимо, похититель отогнул, не трогая пломбы и замков, обивочное железо и бритвой вырезал филенку в двери. Но взять ничего не успел (возможно, я спугнул его). Позже покушения на картофель прекратились. Улучшилась и борьба с крысами, особенно после того, как мне удалось заложить кирпичные норы. Но два мешка с размноженным английским сортом Бэллудун подверглись их ожесточенным нападениям.

Дважды в день, несмотря на сильное истощение, добирался я из дома на улице Некрасова, где жил, до Исаакиевской площади (там хранилась коллекция). Каждый рейс в одну сторону занимал более часа. Улицы на моем маршруте частенько обстреливались.

Зима 1941/42 года отличалась исключительной суровостью. В подвал с коллекцией картофеля отовсюду забирался мороз. Мне пришлось утеплить двери и закрыть щели, для чего использовал вату, мешки и различное тряпье. Во всяком случае, ниже нуля температура в помещении упала лишь однажды. Два раза в неделю приходилось еще отапливать комнату в институте, где хранился дублет коллекции по одному клубню. Здесь мне удалось сохранить устойчивую нужную температуру воздуха. В подвале ежедневно топил печь, которая отчаянно дымила. Как обнаружилось позже, когда мне подарили электрический фонарик и можно было с его помощью обследовать темный подвал, задвижка в дымоходе оказалась полузакрытой.

Дрова я доставал всюду, где можно было. Иногда солдаты госпиталя, согревавшиеся во дворе у костра, уступали мне ящик от какого-нибудь стола или буфета. Все шло в дело. Раз в неделю комендант ВИРа М. С. Беляева снабжала меня маленьким вязанкой дров, и я тащил ее через площадь в подвал.

В конце января наш комендант М. С. Беляева выдала мне ордер (из Октябрьского райисполкома) на получение дров (0,25 или 0,5 кубометра). Дрова в количестве 10—20 кубометров подвезли на Исаакиевскую площадь. Шел обстрел района. Снаряды рвались где-то вблизи Мойки. Никто, кроме меня, не явился за топливом. Свежие сосновые дрова на фанере оттащил в подвал.

С наступлением весны 1942 года пришлось походить по совхозам вокруг Ленинграда в поисках базы для посадки клубней. По договоренности с исполняющим обязанности директора Выборгского комбината Треста зеленого строительства П. Ф. Никитиным нам предоставили участок земли, обещали его обработать. Второй участок выделили директор совхоза «Лесное» А. Т. Воробьев и главный агроном В. М. Калинин.

Коллекцию мы высаживали вдвоем с О. А. Воскресенской: она — на участке Выборгского цветочного комбината, а я — в «Лесном». При проверке клубней оказалось, что выбыл лишь один сорт Тесьма. Хранение сортов в двух местах одного подвала дало отличные результаты. Хозяйства нам предоставили транспорт и перевезли посадочный материал. Всего сохранилось около 2 тонн картофеля.

Сажать картофель, а затем и охранять его О. А. Воскресенской помогала моя мать. П. Ф. Никитин выделил нам в Выборгском комбинате штатную единицу лаборанта. На эту должность приняли школьницу, пятиклассницу, худенькую, серьезную и старательную Нину Афанасьеву. Ее отец погиб на фронте. По воскресеньям помогала и мать Нины — Ольга Ивановна, старая работница завода «Красный выборжец».

Обстрелы этого района случались часто, но снаряды либо не долетали, либо падали западнее и восточнее нашего участка.

Мои помощниками в совхозе «Лесное» стали лаборантки К. Т. Чернянская, Г. А. Лебедева, рабочий А. И. Иванов. Совхозный кузнец соорудил нам маркер.

Истощенные люди пахали участок целую неделю. Посадку коллекции, кроме гибридов А. Я. Камеразы, я дублировал (посадил две параллельные серии).

Вместе с клубнями вошла и лебеда. Мы дали ей немного подрасти, собрали и сдали по госпоставкам, заработав на этом 800 рублей. Дело в том, что мы не располагали денежными средствами на посадку коллекции: институт был в Красноуфимске, почта приходила редко. Однако деньги нам не понадобились. Все материалы получали из совхоза бесплатно.

Руководство и коллектив совхоза считали нас своим цехом. Все охотно помогали выращивать культуры из спасенной коллекции. Так же, кстати, было и в Выборгском комбинате. Директор совхоза зачислил меня и моих помощниц в местную столовую. Без карточек мы получали замечательную кашу из льняного жмыха, тушеную лебеду. А главный агроном выручил нас рассадой капусты и семенами турнепса, урожай от которых пошел на усиление нашего питания.

Посадку картофеля мы завершили только 22 июня, но клубни проросли хорошо. Осенью встал вопрос об охране поля, так как нашлись любители поживиться урожаем. Мне, в частности, пришлось в сентябре — октябре отдежурить на участке 38 ночей. Мероприятие было довольно рискованное: моим единственным оружием являлась палка и свисток. К счастью, все обошлось хорошо.

Убранный урожай мы перевезли в совхозный подвал. И здесь пришлось немало повоевать с крысами, чтобы спасти ценный материал.

Оказалось, что при наличии брюквы, которую мы вырастили, крысы не трогают картофель. Я подбрасывал им по одному корнеплоду брюквы, и тем самым удалось предупредить нашествие крыс на выращенную коллекцию сортов картофеля и гибридов. За зиму пришлось израсходовать несколько корнеплодов брюквы.

Осенью 1943 года убранная коллекция едва не погибла от пожара. Наш истребитель, потеряв управление, упал возле конторы совхоза, где в подвале хранилась коллекция, и ударил в соседний жилой дом — общежитие, которое от взрыва частью разрушилось и затем сгорело.

В Выборгском комбинате участок был удобрен лучше, поэтому и урожай сняли там более щедрый.

Для наиболее ценных южноамериканских сортов П. Ф. Никитин отвел небольшую оранжерею, но в августе немецким снарядом разбило стеклянную кровлю. Поэтому не все растения успели дать клубни.

Сохранение съедобных мировых коллекций ВИРа, в особенности клубней картофеля, во время жестокого голода, под постоянным артиллерийским огнем, в осажденном городе — это, по существу, подвиг людей, выполнивших важную задачу.

И. С. ГАВРИЛОВ

КНИГИ, ПЛАКАТЫ, ЛИСТОВКИ

В неимоверно трудные годы блокады ленинградцы боролись не только с внешним врагом — наседавшими на город гитлеровцами, но и с врагом внутренним — голодом. Они использовали все резервы по созданию продовольственной базы. Больше того, они выпускали книги и плакаты, которые помогали выращивать высокие урожаи картофеля и овощей, собирать и заготавливать впрок дикорастущие растения, плоды, ягоды, грибы, обеспечивать себя витаминами.

В помощь работникам совхозов, подсобных хозяйств и огородникам было выпущено более 200 различных книг, брошюр и плакатов по сельскому хозяйству. Они знакомили ленинградцев с передовыми приемами возделывания овощей и картофеля, использования в пищу дикорастущих растений и плодов, сосновой хвои для приготовления витаминного настоя и многими другими жизненно важными вопросами. Ленинградский горземотдел с января 1943 года ежемесячно выпускал бюллетень, в котором печатались различные материалы по сельскому хозяйству, обобщался опыт работников подсобных хозяйств и огородников.

Тематика книг, плакатов и листовок была очень разнообразной. Здесь книги о подготовке семян, об уходе за посевами и посадками картофеля и овощей, о выращивании овощей в комнате, борьбе с сорняками, болезнями и вредителями сельскохозяйственных культур в огороде, о выращивании табака и многие другие. Все было подчинено задаче получения высоких урожаев продовольственных культур.

Выращиваемая на полях совхозов, подсобных хозяйств и индивидуальных огородах, на площадях, бульварах, в скверах продукция потреблялась не только жителями города. Они делились плодами своего труда с воинами Ленинградского фронта, защищавшими город от гитлеровцев.

Разнообразен и авторский состав. В числе авторов книг, брошюр и плакатов — известные ученые Всесоюзного института растениеводства, Научно-исследовательского института защиты растений, Сельскохозяйственного и Ботанического институтов, Дома ученых, специалисты городского и районных земельных отделов, совхозов, подсобных хозяйств.

Издание сельскохозяйственной литературы в годы блокады в основном было сосредоточено в издательстве Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) — Лениздате.

Ознакомление с перечнем блокадных изданий еще больше убеждает в том, что ленинградцы и воины Красной Армии, оборонявшие город, все делали для того, чтобы не только выжить, победить голод, но и разгромить злейшего врага — немецких фашистов.

Ниже публикуется список сельскохозяйственной литературы, выпущенной Лениздатом в 1942—1944 годах.

1942 год

Авров Н. Н. Уход за овощными растениями в личном огороде.

Авров Н., Михайлов П. Как организовать и вести работу в личном потребительском огороде.

Быстров А. А., Круберг Ю. К. Употребление в пищу лесных, луговых и полевых дикорастущих растений.

«Главнейшие дикорастущие пищевые растения Ленинградской области». Под ред. Б. А. Тихомирова.

Григорьев Н. Уход за посадками картофеля.

Гудевич С. А., Шиврина А. Н. Съедобные дикорастущие травы (Краткое описание и употребление в пищу).

Дмитриевский С. П., Малиновский С. М. Заготовка томатов на зиму в домашних условиях.

Дмитриевский С. П., Малиновский С. М. Заготовка белокочанной капусты на зиму в домашних условиях.